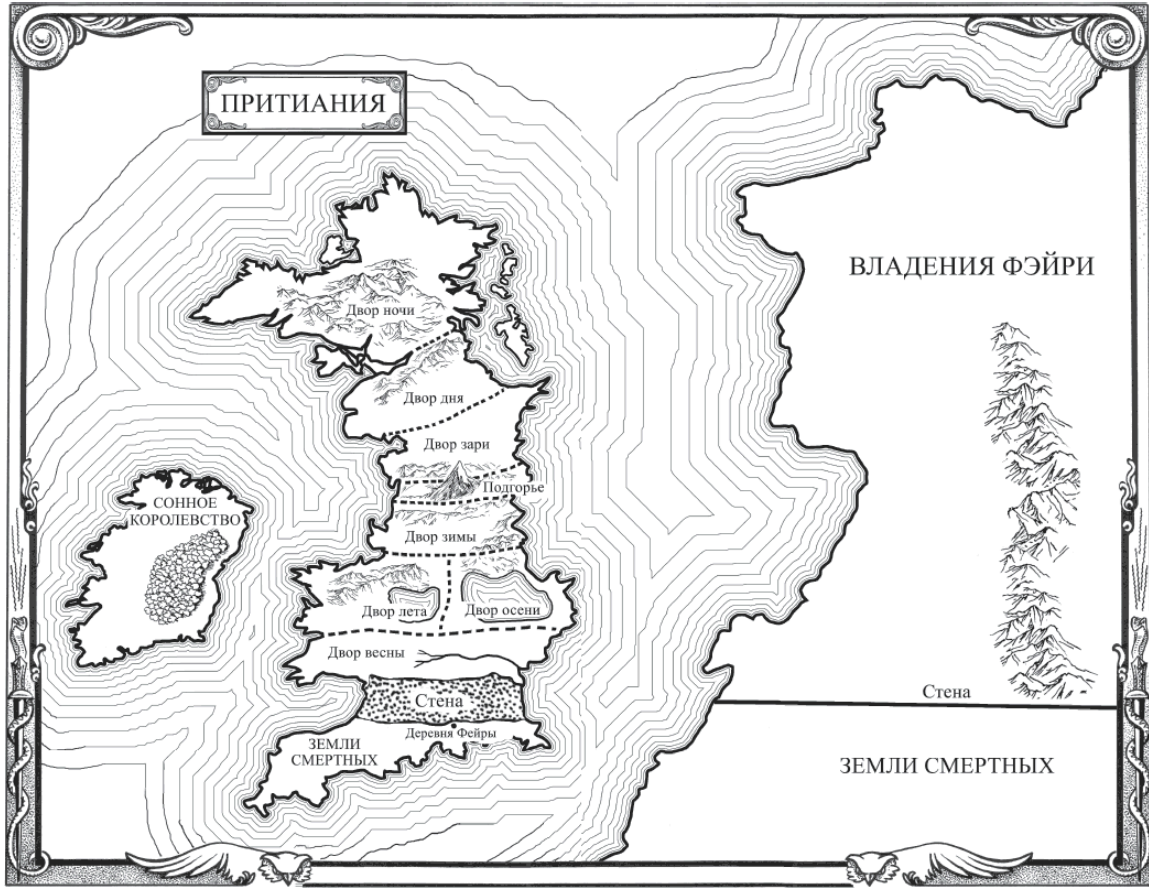

* * *

Глава 1

Лес превратился в лабиринт из снега и льда.

Устроившись на изгибе толстой ветки, я битый час всматривалась в окрестные заросли, и все напрасно. Беспреданно налетавший ветер кружил снежные вихри, заметал мои следы, а вместе с ними — и следы возможной добычи.

Голод добавил мне смелости, и я отправилась в места, в которые прежде забираться не решалась. Но зима — тяжкое время. Зверье ушло в такие чащи, куда и сейчас я бы ни за что не сунулась. Мне доставались лишь одиночки, по разным причинам отбившиеся от стада. Вот бы они попадались мне до самой весны! Наверное, я плохо молилась. Лес опустел.

У меня озябли пальцы. Я поднесла их ко рту, чтобы немного согреть, заодно смахнула снежинки, прилипшие к ресницам. Сколько ни вглядывалась, я не заметила ни одного дерева с обглоданной корой — верным признаком оленьих стад. Похоже, олени еще не трогались с места. Обычно они обдирали всю кору, а потом устремлялись на север, через волчьи владения, в ту часть Притиании, которая принадлежала фэйри. В те места не сунется даже завзятый храбрец, сохранивший хоть каплю мозгов. У фэйри с людьми разговор один — смерть.

От этой мысли меня прошиб озноб. Я отмахнулась от нее, сосредоточившись на окрестностях и на том, ради чего здесь торчала. Все, чем я занималась последние годы, — выживала сама и помогала выживать семье. Продержаться неделю — это здорово. Нередко я благодарила судьбу за прожитый день. Бывало, что и за прожитый час. При таком снегопаде вперемежку с ветром я бы обрадовалась любой добыче, посчитав ее редкой удачей. Остаться на дереве было бессмысленно. Я не видела дальше собственного носа, все тонуло в снежной мгле. Ноги одеревенели и не желали двигаться. Стиснув зубы, чтобы не застонать от боли, я вначале сняла и сбросила вниз охотничий лук, затем спрыгнула сама.

Заледенелый снег хрустнул под тяжестью моих истрепанных сапог. Я скрипнула зубами. Дрянная видимость вынуждала меня шуметь

больше, чем позволительно охотнику. Скорее всего, сегодня я опять вернусь ни с чем.

Зимние дни коротки. Еще два-три часа — и стемнеет. Если сейчас я не поверну домой, придется возвращаться в темноте. Я хорошо помнила предостережение городских охотников: в наших краях появились громадные волки, рыщущие крупными стаями. А тут еще и участились слухи о странных существах, похожих на людей, — рослых, жутких, смертоносных.

Но уж лучше волки и незнакомцы-великаны, чем фэйри. Наши охотники не ахти какие набожные, но стоило прийти зиме — сразу вспоминали про богов и молились, чтобы те уберегли деревню от набегов фэйри. Я тоже молилась, только втайне. Вот уже восемь лет, как мы жили в этой деревне. От нее — всего два дня пути до границы, за которой начинались земли бессмертных фэйри. Хвала богам, на нашу деревню набегов не было. Странствующие торговцы рассказывали про дальние пограничные города, где после набега фэйри оставались лишь развалины, пепел да кости убитых. Поначалу таких рассказов было немного, и деревенские старики отмахивались от них, называя досужим вымыслом. Но за последние месяцы положение изменилось, и про набег фэйри шептались едва ли не в каждый базарный день.

Отправляясь в лес, я изрядно рисковала. А что прикажете делать? В доме — хоть шаром покати. Вчера мы доели последний хлеб, позавчера — последний кусок сушеного мяса. Если пораскинуть умом, лучше улечься спать с урчащим от голода пузом, чем самой послужить обедом волку или фэйри.

Правда, на мне особо не попируешь. К зиме я сильно отошчала и могла пересчитывать собственные ребра. Двигаясь быстро и, насколько возможно, тихо, я приложила руку к животу, который свело от голода. Мысленно я уже видела вытянутые физиономии двух старших сестер. Если опять вернусь домой с пустыми руками, увижу воочию.

После нескольких минут напряженных поисков я добралась до заснеженных кустов ежевики. Сквозь них просматривалась полянка, где протекал ручеек. Дыры во льду подсказывали: зверье частенько приходит сюда на водопой. Оставалось надеяться, что кто-нибудь

пожалует, пока я здесь. Надежда — вечная приманка, особенно для голодного ума.

Я вздохнула, уперла конец лука в снег и привалилась лбом к грубому изогнутому древку. Без еды следующая неделя может оказаться для нас последней. Многие семьи в деревне уже побирались, рассчитывая на подачки богатых горожан. Меня на такие упования не поймает. Я собственными глазами видела, как быстро сытым надоедает возиться с голодными и неимущими.

Я встала поудобнее и успокоила дыхание, напрягая слух и стремясь за воем ветра расслышать что-нибудь еще. Снег падал и падал, торопясь укрыть чистым белым покрывалось все, что до недавнего времени оставалось коричневым и серым. Вопреки себе, наперекор озябшим рукам и ногам, я наслаждалась белизной окружающего пространства. Мой утомленный мозг постепенно успокаивался.

Когда-то я могла целыми днями любоваться сочной зеленой травой на фоне темного свежевспаханного поля или восхищаться аметистовой брошью в складках изумрудного шелка. Тогда меня занимали лишь краски, свет, очертания. Я этим жила... Уже потом, оказавшись в деревне, я иногда мечтала о благодатном времени, когда сестры выйдут замуж и мы с отцом останемся вдвоем. Нам и с едой будет попроще, и денег хватит на краски. А главное — хватит времени, чтобы заполнить красками бумагу, холст или голые стены дома.

Эти мечты едва ли осуществляются в ближайшее время. Не исключено, что им вообще не суждено сбыться. И потому мне оставались лишь мгновения вроде нынешнего, когда можно полюбоваться узорами неяркого зимнего света на снегу. Уже и не помню, когда в последний раз я останавливалась, привлеченная чем-то красивым или интересным.

Редкие часы, проведенные в покосившемся сарае с Икасом Хэлом, не в счет. То были голодные, пустые и порою жестокие мгновения без капли прекрасного.

Завывания ветра сменились негромкой песней. Теперь снег падал крупными ленивыми хлопьями, густо покрывал ветви. Его мягкая красота завораживала. Такой нежный и пушистый снег бывал смертельно опасен, но я все равно любовалась им. Мне не хотелось возвращаться по замерзшим глинистым дорогам к скудному теплу нашего дома.

На другом краю полянки зашелестели кусты, и я мгновенно приготовила лук. Любование красотой кончилось. Затаив дыхание, я вглядывалась в просвет между заснеженными ветвями.

Шагах в тридцати от меня стояла небольшая олениха, она еще не успела отощать, однако жадно обгрызала кору.

Мяса этой оленихи нашей семье хватило бы на неделю, а то и больше.

У меня даже слюнки потекли. Тихо, словно ветер, шелестящий между опавших листьев, я подняла лук и прицелилась.

Олениха и не подозревала, что неподалеку притаилась смерть. Она отщипывала от ствола очередной кусок коры и медленно жевала.

Половину мяса нужно будет высушить, а второй половиной мы вдоволь наедемся. И на жаркое хватит, и на пироги... Шкуру можно продать или пустить на одежду для кого-то из нас. Мне не помешали бы новые сапоги, Элайне нужен новый плащ, а Неста всегда желала заиметь все, что было у других.

У меня дрожали пальцы. Столько пищи — такое неожиданное спасение от голода. Я успокоила дыхание и еще раз тщательно прицелилась.

И тут совсем рядом со мной блеснули золотистые глаза.

Лес замер. Ветер стих. Даже снег перестал падать.

Мы, смертные, не то что перестали молиться богам — давно позабыли их имена. Но если бы я знала их имена, я бы сейчас молилась. Всем подряд. Чаша заслоняла волка от беспечного зверька. А хищник, не сводя глаз с оленихи, приблизился к ней на пару шагов.

Волк был громадным — размером с пони. У меня пересохло во рту. О таких волках и предупреждали охотники.

Я впервые видела волка-великана. Удивительно, но олениха по-прежнему не слышала и не чуяла его. Если этот волк притианского происхождения, если в нем есть что-то от фэйри, тогда участь быть съеденной волновала меня меньше всего. Вообще-то, если передо мною фэйри, пусть и в обличье волка, мне нужно со всех ног улепетывать отсюда.

Однако... убив зверя, пока он меня не видит, я принесу пользу миру, нашей деревне и, конечно же, самой себе. Я допускала и такую возможность. Мне не составит труда пустить ему стрелу между глаз.

Я попыталась рассуждать здраво. Пусть этот волк и громадный, но он похож на волка и движется по-волчьи.

«Он — всего-навсего зверь», — убеждала я себя.

При мне — охотничий нож и три стрелы. Две простых, пригодных для обычной добычи. Но для такой громадины они были бы не страшнее пчелиного укуса. А вот третья стрела... Она длиннее и тяжелее остальных. Я купила ее летом у странствующего торговца. Тогда нам хватало не только на еду. Древко стрелы сделали из дерева горной рябины, добавьте к этому железный наконечник...

Дерево горной рябины отличалось особой прочностью. Говорили, что именно оно и отнимало у фэйри бессмертие. А еще фэйри боялись железа и ненавидели этот металл. На то и были рассчитаны такие стрелы. Железный наконечник ослаблял целительную магию фэйри, их раны не затягивались мгновенно, и удар стрелы оказывался смертельным. Так утверждали слухи. Быть может, горной рябине приписывали особые свойства лишь потому, что она встречалась очень редко. Рисунки я видела, а настоящее дерево — никогда. Правители народа фэ очень давно сожгли почти все деревья, остались лишь маленькие и чахлые. Их и не заметишь среди высоченных деревьев других пород. Кстати, эту стрелу я покупала не нынешним летом, а три года назад. Потом долго мучилась сомнениями, не слишком ли переплатила за деревянную палку и кусок железа. Я постоянно таскала рябиновую стрелу в колчане, но она еще ни разу не вылетала из моего лука.

Я быстро достала стрелу и, стараясь не обнаружить себя, вложила в лук. Если метко прицелиться, длинная, тяжелая стрела серьезно ранит волка или даже убьет.

Если я убью волка, то одновременно спугну олениху и та убежит. Если же убью олениху, волк либо вцепится мне в горло, либо поспешит к туше оленихи. Тогда прости-прощай мясо и шкура.

От напряжения у меня заболело в груди. И не раньше, не позже, но ровно в эту секунду обожгла мысль: а волк явился сюда один?

Крепче сжав лук в руке, я натянула тетиву. Я довольно метко стреляла, но только не в волков. Я привыкла считать себя везучей; возможно, сама судьба благоволила мне на охоте. Так я думала раньше. Но сейчас... Я не знала, куда целить и насколько быстры волки. Когда у тебя всего одна рябиновая стрела, промах недопустим.

Если же это был волк-оборотень и под шкурой у него действительно стучало фэйское сердце... так тебе и надо. Получи по заслугам за все зло, что твои соплеменники причинили людям. Лучше я убью его здесь, и тогда он уже точно не прокрадется в нашу деревню, никого не убьет и не растерзает там. Пусть погибнет на месте. Я чувствовала, что рада оборвать волчью жизнь.

Хищник подполз ближе. Его лапы были чуть ли не вдвое крупнее моих рук, неожиданно под одной из них хрустнула веточка. Олениха напряглась и замерла, заозиралась по сторонам. Ее уши настороженно вслушивались в тревожную тишину. Однако ветер дул в нашу с волком сторону, и олениха по-прежнему не чуяла смертельных врагов.

Волк опустил голову и присел для прыжка. Его серебристое тело напряглось и великолепно сливалось со снегом и тенями. Глупая олениха смотрела совсем не туда.

Я глядела то на волка, то на олениху. Зверь был один. Хотя бы в этом мне повезло. Но если волк спугнет олениху, мне не останется ничего, кроме опасного соседства с огромным голодным зверем. Не исключено, что еще и с фэйри. Тогда он вместо оленихи пообедает мною. Если же волк сейчас прыгнет и убьет олениху...

От этих «если» у меня закружилась голова. Стоит ошибиться в расчетах — и моя жизнь добавится к длинной цепи загубленных жизней. Все восемь лет, что я охотилась в лесу, я постоянно рисковала. Но в подавляющем большинстве случаев удача оказывалась на моей стороне.

Волк прыгнул, взлетел серо-бело-черной молнией. Сверкнули желтые клыки. В прыжке зверь показался мне еще крупнее. Настоящее чудо из мускулов, скорости и жестокой силы. У оленихи не было никакой возможности убежать.

Зато у волка была возможность попортить ее шкуру и уменьшить наш запас мяса. И тогда я выстрелила.

Стрела вонзилась ему в бок. Я могла бы поклясться, что земля содрогнулась. Волк взвыл от боли и разжал зубы, выпустив добычу. На снег хлынула ярко-красная кровь.

Волчья морда повернулась ко мне. Шерсть стояла у него дыбом. Желтые глаза округлились. Его глухое рычание отдавалось у меня в животе. Я стремительно вскочила на ноги и приладила вторую стрелу.

Волк всего лишь... смотрел на меня. Его морда была окровавлена, из бока торчала рябиновая стрела. Снова пошел снег, волк не отводил взгляда. Я словно раздвоилась. Одна часть меня сознавала, с кем я имею дело, а вторая удивлялась, что я собираюсь выстрелить снова. Но я выстрелила. На всякий случай. Вдруг этот смысленный взгляд действительно принадлежал бессмертному коварному существу?

Волк даже не пытался пригнуть морду. Стрела вошла ему четко в широкий желтый глаз.

Снег мешал мне смотреть, смазывая яркие краски.

Волк рухнул на снег. У него задергались лапы, он жалобно заскулил. Я не верила своим ушам. Второй выстрел должен был оборвать его жизнь. Стрела пробила ему глаз, вонзившись чуть ли не по самое оперение.

Волк он или фэйри — значения не имело. Особенно когда у него в боку застряла рябиновая стрела. Дрожащими руками я отряхнула снег с лица и приблизилась к волку, остановившись на приличном расстоянии. Из обеих ран хлестала кровь. Снег вокруг волка стал ярко-красным.

Волк царапал когтями снег. Его дыхание слабело и замедлялось. Интересно, ему и впрямь было очень больно или он скулил в попытке отшвырнуть от себя смерть? Я предпочитала этого не знать.

Вокруг нас клубилась поземка. Я смотрела на волка, пока его грудь не перестала вздыматься. Передо мною лежал просто волк, хотя и громадный.

Мне стало легче. Теперь я могла дышать шумно и даже вздыхать, что я и сделала, выпустив облачко пара. Что ж, рябиновая стрела доказала свою смертоносную природу. А уж кого она сразила, не столь важно.

Быстро оглядев олениху, я поняла, что двоих зверей мне не дотащить. Даже ее туша существенно замедлит мое возвращение домой. Но мне было жалко бросать убитого волка. Я понимала, что напрасно растрачиваю драгоценные минуты. Сейчас любой хищник легко учуял бы свежую кровь. И тем не менее я содрала с волка шкуру, вытащила обе стрелы и, как могла, вычистила их.

У меня согрелись руки. Тоже неплохо, учитывая, что я уже с трудом ощущала пальцы. Я обмотала тушу оленихи волчьей шкурой, прикрыв ей рану на шее. Домой мне было еще топать и топать, и

цепочка кровавых пятен, тянущаяся за мной, очень скоро превратила бы меня в добычу для любого крупного зверя.

Я взвалила тушу оленихи себе на плечи и в последний раз посмотрела на волчью тушу, лишенную шкуры. От нее шел пар. Уцелевший желтый глаз смотрел в заснеженное небо, и я вдруг пожалела, что он обращен не ко мне. Тогда бы мертвый взгляд запомнился мне как вечный упрек за содеянное.

Это ощущение быстро прошло. Лес есть лес, и зима есть зима.

Глава 2

Когда я выбралась из леса, солнце уже село. У меня от тяжести и усталости тряслись колени, а руки снова успели заоченеть, причем давно. Даже туша оленихи, прикрывавшая мне спину, не защищала от крепчавшего мороза. Небо стало темно-синим, почти черным. Сквозь ставни нашего ветхого дома пробивались узкие полосы желтоватого света. Мне казалось, что я иду по живой картине, где краски способны меняться на глазах. Пока я подходила к дому, красивый темно-синий цвет неба сменился густым черным.

От усталости и голода у меня закружилась голова. Вместе с полосами света сквозь ставни проникали голоса сестер. Я не вслушивалась, поскольку и так знала темы их разговоров, — наверняка болтали о каком-нибудь приглянувшемся им парне или чьих-то лентах, которые они увидели в деревне. Отец заставлял их колоть дрова, но это занятие моим сестрицам быстро надоедало, и они отправлялись прогуляться и поглазеть на окружающую жизнь. И все же после пережитых опасностей мне было приятно услышать человеческие голоса.

Я подошла к порогу и несколько раз лягнула каменный дверной косяк, отряхивая снег с сапог. Вместе со снегом с серого камня отлетели льдинки, обнажив выцветшие знаки, вырезанные вокруг порога. Это были обереги против фэйри. В свое время через нашу деревню проходил странствующий шарлатан, который утверждал, что владеет искусством делать обереги от злых сил, включая фэйри. Отец уговорил его нанести защитные знаки вокруг нашего порога, расплатившись одной своей резной поделкой. Отец всегда так мало заботился о дочерях, что у меня тогда не хватило духу сказать ему, насколько бесполезны и фальшивы эти знаки. Смертные не владели магией. У них не было той силы и скорости, какой отличались фэйри. Я уж не говорю о фэ — высшем сословии фэйри. А этот шарлатан, нагло утверждавший, будто в жилах его предков текла фэйская кровь, всего-навсего покрыл нам входную дверь и окна разными завитушками, закорючками и якобы древними знаками. Затем,

пробормотав какую-то чепуху, которая для моего отца сошла за заклинание, он забрал плату и удалился.

Железная дверная ручка кусалась не хуже змеи. Я толкнула дверь и оказалось там, где тепло и светло. Свет показался мне ослепительно ярким.

— Фейра! — воскликнула Элайна.

Щурясь от пламени очага, я увидела свою среднюю сестру. Она куталась в одеяло, но ее золотисто-каштановые волосы — то немногое, что роднило меня с сестрами, — были безупречно уложены вокруг головы. Восемь лет нищеты не отбили у нее желания выглядеть привлекательно.

— Где ты это добыла? — спросила она.

В голосе зазвучали голодные интонации. Звериную кровь на мне Элайна словно не замечала. Я уже давно перестала надеяться, что когда-нибудь они поймут, чем занимается их младшая сестра. Весь день я не просто гуляла по лесу, а охотилась. Пока в доме имелась хоть какая-то еда, сестер совершенно не заботило, каким образом она попадает в нашу кладовую. Умирая, наша мать не взяла с них клятв и обещаний...

Я подошла к столу и сбросила с плеч добычу. Глиняная чашка, что стояла с другого края, обидчиво звякнула.

— А как ты думаешь, где это добывают? — охрипшим голосом спросила я.

Я освободила оленью тушу от волчьей шкуры, затем сняла сапоги и поставила их возле двери.

Карие глаза Элайны, унаследованные от отца, смотрели только на олениху.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы снять шкуру и приготовить мясо? — задала новый вопрос Элайна.

Мне. Не ей. Никому из них. Я ни разу не видела, чтобы сестрицы испачкали руки в крови моих трофеев или помогли бы мне возиться со шкурами. Свежевать туши, выделывать шкуры, готовить мясо — всему этому я училась у чужих людей.

Отец и Неста сидели у очага, грея руки. Моя старшая сестра, как всегда, подчеркнуто не замечала отца. Элайна приклеилась глазами к оленьей туше, ее руки лежали на животе, таком же голодном, как и мой. Я бы не назвала Элайну жестокой. Она не такая, как Неста. Та

даже родилась с презрительной усмешкой на лице. Но Элайна иногда... не понимала простых вещей. От предложения своей помощи она воздерживалась не по какому-то злому умыслу. Ей не приходило в голову, что и она может испачкать ручки той или иной работой. Я так и не могла для себя решить: Элайна действительно не понимала, что мы живем в нищете, или понимала, но отказывалась это принять? Тем не менее я тратила далеко не лишние деньги, покупая ей семена цветов. Цветочные клумбы — единственное, чем Элайна любила заниматься всегда. Но до теплых дней было еще очень далеко.

Помню, в то лето, когда я потратилась на стрелу, Элайна преподнесла мне подарок: три жестяные баночки с красной, желтой и синей красками. Единственный подарок, который я получала от средней сестры. И он не залежался — следы красок и сейчас еще оставались в нашем доме, хотя успели потускнеть и облупиться. Стены вокруг окон и дверей я расписала плющом и цветами. Камни, окружавшие очаг, — язычками пламени. Все свободные минуты того удивительно лета я наполняла наше убогое жилище цветом. Расписывала комодные ящики, старые занавески, днища стульев. Мои картинки красовались даже под столом.

Это было единственное благодатное лето в нашей деревенской жизни.

— Фейра, девочка моя, — густым баритоном произнес отец, заметивший меня.

Его темная борода была аккуратно подстрижена. Кожа на лице отличалась безупречной гладкостью, как и у моих сестер.

— Надо же, как тебе сегодня повезло. Этого хватит на целый пир.

Неста пренебрежительно фыркнула. Неудивительно! Любая похвала в чей-либо адрес: мой, Элайны, наших односельчан — она воспринимала как оскорбление ее персоны. Добавлю, что любое слово, произнесенное нашим отцом, Неста встречала язвительным замечанием.

Я выпрямила ноющую от усталости спину и без сестринской нежности поглядела на Несту. Из всех нас старшая сестра особенно тяжело пережила крушение прежней жизни. В тот день, когда нам пришлось спешно покинуть особняк, она тихо возненавидела отца. Причиной, заставившей нас это сделать, стала отцовская самонадеянность. Отец задолжал крупную сумму одному человеку с

темной репутацией, влезать в долги к которому ему не советовали. Но отец верил, что легко рассчитается с долгами. Я до сих пор не понимаю, на чем держалась его уверенность. Когда расплатиться не получилось, со стороны заимодавца последовали угрозы. А потом... заимодавец с несколькими громилами явился к нам домой и наглядно показал отцу, что бывает с теми, кто не возвращает долг.

Но в отличие от отца Неста хотя бы не забивала нам голову бессмысленными разговорами о возвращении бывшего богатства. Она преспокойно тратила деньги, которые я не успевала спрятать от нее, и крайне редко достаивала отца дочерним вниманием. Я и сама не ангел. И у меня случались минуты озлобленности, когда я могла ранить словом. По правде говоря, мы все вели себя не идеальным образом, и иногда это становилось особенно заметно.

— Половина мяса пойдет нам на эту неделю, — сказала я, оглядывая трофей. Туша оленихи занимала почти весь шаткий стол, служивший нам и обеденным, и кухонным, и рабочим. — Вторую половину надо высушить.

Я могла сейчас говорить самые любезные слова, но почти весь груз работы опять ляжет на мои плечи.

— Завтра схожу на рынок и узнаю, сколько можно выручить за шкуры, — добавила я больше для себя, чем для родни.

Отец сидел, выставив покалеченную ногу. Он садился почти возле самого огня: холод, дожди и резкие перепады погоды всегда отзывались на его ранах, окружавших колена. Раны были жуткими, из тех, что мучают до конца жизни. К отцовскому стулу была прислонена палка. Порою Неста отодвигала ее так, чтобы отец не мог дотянуться.

Если это происходило при мне, я шипела на старшую сестру, упрекая ее в бессердечии. «Рук ему никто не ломал. Мог бы поискать себе работу, а не бездельничать», — неизменно отвечала мне Неста. Она ненавидела отца и за увечье, и за то, что он даже не попытался дать отпор заимодавцу и громилам, когда те лупили его по колену.

В тот жуткий день Неста с Элайной тоже не попытались защитить отца. Они бежали в спальню, закрылись на ключ и еще придвинули к двери тяжелый комод. Я осталась и только умоляла пощадить отца. Мои всхлипывания перемежались с его криками и хрустом костей. Я даже обделалась от страха. Потом меня вытошнило на камни перед

очагом. Только после этого страшные люди ушли. Больше мы их не видели.

Из тех денег, что у нас тогда были, львиную долю съели врачи и лекарства. Только через полгода отец снова начал ходить. Конечно, о его легком, пружинистом шаге уже не могло быть и речи. Я научилась растягивать оставшиеся деньги и прятать их от сестер. Иногда кто-то из жалости покупал по дешевке одну-две резные поделки отца. Но это была капля в море. Пять лет назад отцовские сбережения полностью истаяли. Отец по-прежнему не мог и не желал искать себе посильную работу. И тогда я объявила, что стану добывать нам пропитание охотой. Отец не возражал.

Мое решение не всколыхнуло его. Он не встал от теплого очага, не оторвал голову от очередной поделки. Отец позволил мне отправиться в густые, полные опасностей леса, которых побаивались даже сильные и опытные охотники. Постепенно в нем проснулись какие-то зачатки заботливости. Иногда он благодарил за принесенную дичь, иногда ковылял в город — продавать свои резные поделки. Но это все, на что он был способен.

— Мне бы не помешал новый плащ, — вздохнула Элайна.

Услышав ее слова, Неста тут же поднялась со стула и объявила:

— А мне нужны новые сапоги.

Я промолчала. Не хватало еще возражать их извечным «хочу» и «нужно». Достаточно было посмотреть на нынешние сапоги Несты. Они стояли у двери, не потерявшие блеска кожи. Зато моя обувь стала мне тесновата и расползалась по швам. Я уже неоднократно латала сапоги, выбирая нитки покрепче.

— Мой плащ совсем старый и больше не греет, — канючила Элайна. — Однажды я превращусь в ледышку и умру.

Умоляющий взгляд сестры устремился на меня.

— Ну пожалуйста, Фейра.

Она умудрялась так растягивать два слога моего имени, что мне становилось тошно. Неста сердито прищелкнула языком и приказала сестре заткнуться.

Я даже слушать не желала перепалку сестер из-за денег, которые завтра заплатят за шкуры. Им почему-то в голову не приходило, что шкуры вначале еще нужно продать. Тем временем отец встал и подошел к столу. Опираясь одной рукой о край стола, он внимательно

рассматривал добытую мною олениху. Потом отцовское внимание переместилось на волчью шкуру. Я напряглась, ожидая вопросов. Его пальцы, не потерявшие аристократической мягкости, отвернули край шкуры и прошлись по окровавленной изнанке.

— Фейра, а это откуда? — спросил отец, неодобрительно поджав губы.

— Оттуда же, откуда и олениха, — ответила я.

Я старалась говорить спокойно, но мои слова прозвучали резко и холодно.

Отцовский взгляд скользнул по луку и колчану со стрелами, все еще остававшимися у меня за спиной. Потом отец выразительно посмотрел на охотничий нож, и его глаза подернулись влагой.

— Фейра... это очень рискованно.

Я вздернула подбородок и огрызнулась:

— А у меня выбора не было!

Я не хотела рывкать, так получилось. На самом деле на языке крутились другие слова: «Как еще нам добывать пропитание? Ты почти безвылазно сидишь дома. Если бы не моя охота, мы все давно бы померли с голоду».

— Фейра, — повторил отец и закрыл глаза.

Сестры затихли. Я повернулась к ним и увидела презрительно сморщенный нос Несты.

— От тебя воняет, как от свиньи, извалявшейся в навозной жиже, — заявила старшая сестра, косясь на мой плащ. — Неужели тебе трудно хотя бы попытаться не выглядеть как невежественная крестьянская девка?

Неста умела больно бить словами и знала, куда нанести удар. Но я не подала виду, что удар достиг цели и мне больно. Я была слишком мала и успела усвоить лишь самые азы хороших манер, чтения и письма. Потом наша семья разорилась, и отцу стало не до моего образования. Тем не менее Неста не упускала возможности напомнить мне об этом.

Неста отошла. Она не могла стоять рядом с «вонючей свиньей», в очередной раз спасшей ее и остальных от голодной смерти.

— Сними эту отвратительную одежду, — потребовала она, водя пальчиком по своей золотисто-каштановой косе.

Я могла бы ответить, но сдержалась. Неста была старше меня на три года, а ухитрилась выглядеть моложе, и на ее щечках всегда играл красивый розовый румянец.

— Подбрось-ка лучше дров в очаг и согрей котел воды, — сказала я.

Какие там дрова! Рядом с очагом лежало всего одно полено.

— Я думала, что хотя бы сегодня ты наколешь дров.

Неста разглядывала свои длинные чистенькие ноготки.

— Ненавижу колоть дрова. От них у меня занозы.

Ох уж этот презрительный взгляд из-под темных ресниц! Неста больше, чем мы с Элайной, походила на покойную мать.

— И потом, — кривя губки, продолжала она, — у тебя это получается вдвое быстрее. И твои руки лучше приспособлены к такой работе. Они успели огрубеть.

Я стиснула зубы. Меньше всего сейчас хотелось затевать ссору, но в душе у меня все бурлило.

— Завтра изволь встать с зарею и наколоть дров, — сказала я, расстегивая верхнюю пуговицу охотничьего костюма, — иначе всех нас ждет холодный завтрак.

— И не подумаю! — хмуря брови, бросила мне Неста.

Но я уже двинулась во вторую комнатку, которую делила с сестрами. Элайна шепотом попыталась урезонить Несту, получив очередную порцию ее яда.

— Достань разделочные ножи, — сказала я отцу, не утруждая себя учтивыми речами. — Я сейчас переоденусь и приду.

Не дожидаясь ответа, я вошла в комнату и плотно закрыла дверь.

В «девичьей» помещались лишь ветхий комод и громадная кровать из крепкой древесины, на которой мы спали втроем. Кровать была единственной вещью, напоминавшей о нашем исчезнувшем благосостоянии. Отец преподнес ее нашей матери в подарок на свадьбу. На этой кровати родились все мы, на ней же умерла мать. У меня рука не поднялась что-нибудь нарисовать на поверхности кровати.

Верхнюю одежду я запихнула в нижний скрипучий ящик комода. Вокруг бронзовой ручки ящика Элайны я в свое время нарисовала розы и фиалки. Ящик Несты украшали языки пламени. На своем я изобразила ночное небо с россыпями желтых звезд. Белой краски у

меня не было, а так хотелось сделать нашу мрачную комнату чуточку веселее. Сестры молча приняли мои художества. Сама не знаю, почему я ждала их отклика?

Больше всего мне сейчас хотелось повалиться на кровать и уснуть. Но кто тогда приготовит ужин? Поостанавливаясь от усталости, я переделалась и покинула комнату.

* * *

Сегодня мы ужинали жареной олениной. Я не возражала, когда каждый из нас положил себе добавки, но потом спохватилась и сказала, что мясо нужно растянуть на несколько дней. Завтра я полностью разделю тушу. Как я уже говорила, половина мяса пойдет нам на ближайшие дни, а остальное я высушу. Потом займусь выделкой шкур, прежде чем нести их на рынок. Я знала нескольких торговцев, которые охотно купят у меня шкуры, но вряд ли заплатят за них настоящие деньги. И все равно это лучше, чем ничего. Возможно, в крупном городе мне дали бы больше, однако туда еще надо добираться. Вот такой расклад.

Я дочиста облизала вилку, наслаждаясь остатками оленьего жира, застрявшего между кривых, щербатых зубьев. Порою я о них обдирала язык. Мы довольствовались тем, что отец сумел взять в комнате слуг, пока заимодавцы и судейские рыскали по нашему особняку, описывая имущество. Среди наших ложек и вилок не найдешь двух одинаковых, но уж лучше такие, чем есть мясо руками. Столовые приборы из материнского приданого мы давным-давно продали.

Я хорошо помнила мать. С нами она держалась холодно и величественно, словно королева. С гостями, которые бывали в нашем особняке чуть ли не ежедневно, была веселой и остроумной. Перед отцом могла ходить на задних лапках. Это был единственный человек, которого она любила и уважала. Помимо отца, мать самозабвенно любила празднества. На них она тратила все время. Мне от ее внимания доставались лишь жалкие крохи. Мать благосклонно взирала на мое увлечение рисованием, однако не делала попыток всерьез учить меня живописи. Да и всему остальному тоже. Вероятно, думала, что моя тяга к искусству в дальнейшем поможет мне удачно выйти замуж. Доживи она до нашего краха, нищета подкосила бы ее

сильнее, чем отца. Быть может, судьба смилостивилась над ней, забрав из этого мира.

И как бы жестоко это ни звучало, в нашем нынешнем положении мать стала бы лишним ртом.

Из осязаемых вещей, связанных с нею, осталась кровать. Из неосязаемых — клятва, которую я принесла, когда она умирала.

Всякий раз, когда я смотрела на горизонт; всякий раз, когда мне хотелось идти и идти, не оглядываясь, я слышала обещание, данное матери одиннадцать лет назад. «Обещай мне, что вы будете держаться вместе и что ты позаботишься о них». Я пообещала, даже не спросив, почему она попросила об этом меня, а не отца и старших дочерей. Увы, я тогда была слишком мала для подобных вопросов. Я не просто пообещала. Поклялась. А в нашем жалком мире смертных людей обещание — это все. Сам мир держался на обещании, которое пятьсот лет назад дали людям верховные правители народа фэ. В мире, где мы давно позабыли имена своих богов, обещание было законом, деньгами, связующей силой.

Иногда я ненавидела мать за то, что она взяла с меня столь тяжелое обещание. Возможно, мозг ее был затуманен лихорадкой и она сама не понимала, чего требует. Или наоборот, близящаяся смерть показала ей истинную природу ее мужа и старших дочерей.

Я положила дочиста облизанную вилку и вытянула усталые ноги. В очаге догорали последние поленья. Зато болтовня моих сестер после сытного ужина вспыхнула с новой силой. Как всегда, Неста упрекала односельчан за отсутствие хороших манер и неумение говорить учтивые слова. Потом им досталось за дурной вкус по части тканей. Странствующие торговцы сбывали им разную дрянь, а эти простаки и особенно простушки верили, будто покупают тончайший шелк и шифон. С тех пор как мы обеднели, прежние друзья отца и подруги моих сестер забыли о нашем существовании. И теперь сестры вели себя так, словно вынуждены довольствоваться второсортным обществом местных крестьянских парней.

Я глотала горячую воду из кружки — денег на чай у нас не было — и вполуха прислушивалась к словам Несты.

— И тогда я ему сказала: «Любезный сударь! Учитывая безразличие, с каким ты высказываешь свою просьбу, я ее, естественно, отклоню!» Знаешь, что мне на это ответил Тимас?

Неста обращалась к Элайне, внимавшей с раскрытым ртом. Отец, как всегда погруженный в туман воспоминаний, не прислушивался, а лишь благосклонно улыбался своей любимой Элайне. Единственной из дочерей, которая достаивала его разговорами.

— Не о Тимасе ли Мандрэ речь? — перебила я Несту. — Помнится, он — средний сын здешнего дровосека.

Серо-голубые глаза Несты сощурились.

— О нем, — коротко ответила она и вновь повернулась к Элайне.

— И чего же он хочет? — спросила я и поглядела на отца.

Ни малейших признаков тревоги. Казалось, он вообще не прислушивается к болтовне дочерей.

— Он хочет жениться на Несте, — мечтательно произнесла Элайна.

Я удивленно заморгала, а Неста вскинула голову. Знакомое движение. Так вели себя хищники. Быть может, стальная твердость и неуступчивость ее характера обеспечили бы нам лучшие условия жизни? При ее хватке мы, пожалуй, даже смогли бы снова разбогатеть. Но Неста продолжала оплакивать наше бывшее положение в обществе, а его — плачь не плачь — уже не вернешь.

— Тебе-то что, Фейра?

Мое имя в ее устах прозвучало как оскорбление. Я до боли стиснула челюсти.

Отец сел вполоборота к нам. Обижаться на ее шпильки — ужасно глупо. Глупо было вообще ей отвечать, однако я не сдержалась:

— Колоть дрова для нашей семьи тебе в тягость, но при этом ты собираешься замуж за сына дровосека?

Неста расправила плечи:

— По-моему, ты спишь и видишь, как бы поскорее спровадить нас с Элайной замуж. Тогда у тебя будет в досталь времени, чтобы малевать свои бесподобные шедевры.

Она презрительно фыркнула, глядя на гирлянду цветков наперстянки, которую я изобразила вдоль кромки стола. Цвет колокольчиков получился слишком темным и излишне синим. Хуже всего, что отсутствие белой краски не позволило мне нарисовать белые тычинки внутри колокольчиков. Мне самой было не по себе от ущербной росписи, но не соскребать же ее теперь.

Я пропустила слова Несты мимо ушей, хотя мне отчаянно хотелось прикрыть мой живописный позор рукой. Завтра, когда буду выделывать шкуры, незаметно соскребу чертовы наперстянки.

— Честное слово, Неста, я действительно хочу, чтобы ты вышла замуж. Я даже готова отвести тебя в дом твоего избранника и вручить его заботам. Но за Тимаса ты не выйдешь.

Ноздри Несты слегка раздулись.

— Ты не сможешь этому помешать. Не далее как сегодня Клера Бадор сказала, что Тимас со дня на день сделает мне предложение. И тогда мне больше не придется растягивать мясо на несколько дней.

Глядя на меня, она усмехнулась и добавила:

— Во всяком случае, мне не надо будет, словно похотливой самке, кувыряться на сене с Икасом Хэлом.

Отец смущенно кашлянул и уставился на свою койку, тоже стоявшую возле очага. Он никогда не возражал Несте, быть может, из страха или из чувства вины. Отец и сейчас не собирался ей ничего говорить, даже если впервые услышал об Икасе.

Мои ладони покоились на столе. Я буравила глазами Несту. Элайна же быстренько убрала со стола свои фарфоровые ручки, словно грязь и кровь у меня под ногтями могли перескочить на ее нежную кожу.

— Семья Тимаса лишь чуть побогаче нашей. — Я пыталась не рычать. — Ты там окажешься лишним ртом, но отнюдь не лишней парой рабочих рук. Если Тимасу это невдомек, его родители должны понимать.

Тимас это тоже знал. Мы не раз сталкивались с ним в лесу. Я помню голодный блеск в его глазах, когда он заметил, как я проверяю кроличьи силки. Я в жизни не убила ни одного человека, но в тот день отчетливо почувствовала тяжесть охотничьего ножа на поясе. С тех пор я старалась держаться от Тимаса подальше.

— Нам даже не из чего собрать тебе приданое, — продолжала я. Мой голос звучал по-прежнему твердо, но уже спокойнее. — И за Элайной тоже нечего дать.

Если Неста решила покинуть отчий дом — скатертью дорожка. Пусть выходит замуж, а я окажусь на шаг ближе к своему прекрасному будущему. Оно виделось мне так: тишина в доме, в досталь еды и времени на живопись. Но женихам не очень-то нравились

бесприданницы, так что Неста и Элайна заблуждались насчет вереницы сватов.

— Мы с Тимасом любим друг друга, — объявила Неста.

Элайна закивала, подтверждая слова сестры. Я едва сдерживала смех. И когда это мои сестрицы успели позабыть о вздохах по сынкам из семей знати и обратить томные взоры на крестьянских парней?

— Любовью пузо не прокормишь, — возразила я, стараясь сохранять непреклонное выражение лица.

Неста вскочила со скамьи так, будто я дала ей пощечину.

— Ты просто ревнуешь. Я слышала, что Икас собирается жениться на девчонке из Зеленополья. За нею дают богатое приданое.

Я это тоже слышала. Икас сам хвастался мне, когда мы с ним виделись последний раз.

— Завидую? — переспросила я, стремясь поглубже спрятать охватившую меня ярость. — Я трезво смотрю на вещи. Повторяю: вы обе — бесприданницы. Да и скота у нас нет, чтобы предложить семье жениха. Быть может, Тимас и хочет на тебе жениться, но ты-то для него... обуза.

— Да что ты понимаешь в жизни? В любви? — выдохнула Неста. — Полудикарка, которая только и умеет раздавать приказы днем и ночью. Продолжай в том же духе, Фейра. А знаешь, чем это кончится? Ты проживешь свою жизнь рыская по лесам, и потом никто о тебе даже не вспомнит.

Неста стремительно вышла из комнаты. Элайна поспешила следом, пытаясь утешить сестру. Дверь за ними шумно захлопнулась, от порыва ветра звякнули миски на столе.

Эти слова я уже слышала от нее. Неста повторяла их лишь потому, что в первый раз они ощутимо задели меня. Вообще-то, и сейчас обжигали.

Я приложилась к щербатой кружке. Вода успела остыть. Скамейка под отцом скрипнула. Я сделала еще глоток и сказала отцу:

— Урезонил бы ты свою старшую дочку.

Отец разглядывал подпалину на поверхности стола.

— Что я могу сказать? Если это любовь...

— О чем ты говоришь? Не может это быть любовью. Во всяком случае, не со стороны Тимаса. И не со стороны его убогой семьи. Я

видела, как Тимас относится к другим деревенским девчонкам. Ему от Несты нужна вовсе не рука и уж тем более не сердце, а...

— Надежда нужна нам не меньше хлеба и мяса, — перебил меня отец. Глаза его вспыхнули, что бывало очень редко. — Без надежды нам не выдержать. Не отнимай у нее надежду. Пусть Неста надеется на лучшую жизнь. На лучший мир.

Сжав кулаки, я встала из-за стола. Мне хотелось убежать, но куда? В хижине всего две комнаты. Мой взгляд снова упал на выцветшую гирлянду наперстянки, тянущуюся вдоль кромки стола. Внешние колокольчики цветков уже потрескались и сильно потускнели. Нижняя часть стебля вообще стерлась. Через несколько лет сотрется и вся гирлянда, как будто ее и не было. Как будто не было и меня, ее создательницы.

— Нет никакого лучшего мира, — возразила я, сурово глядя на отца.

Глава 3

Снег на дороге, что уводила из нашей деревни, был утоптан. Проезжающие телеги и лошади оставляли на нем следы, в основном черные и коричневые. Неста и Элайна недовольно цокали языками и морщились, вынужденные то и дело огибать комья грязи и навозные кучи. Я знала, почему обе сорвались с места. Едва увидев, как я укладываю в заплечный мешок выделанные шкуры, сестрицы мигом оделись и молча увязались за мною.

Мои вчерашние слова их обидели. А поскольку обе не желали со мной общаться, я тоже замолчала. Между тем Неста все-таки проснулась рано утром и наколола дров. О причинах такого подвига я догадывалась. Она знала, что сегодня я продам шкуры и вернусь с деньгами. Так мы и шли по пустой дороге, которая вилась между заснеженных полей, направляясь в городишко.

По правде говоря, городишко этот был такой же деревней, только побольше. Все его каменные строения отличались унылой однообразностью. Белизна зимних оттенков лишь усугубляла эту одинаковость. Но сегодня в городишке базарный день, а значит сюда съедутся и сойдутся торговцы и покупатели, рискнувшие высунуть нос за порог.

На подходе к рынку в ноздри ударил дразнящий запах горячей пищи, приправленной специями, о которых я смутно помнила по раннему детству. Запах манил, дразнил, уговаривал. Элайна тихо скулила у меня за спиной. Пряности, солености и сласти были недостижимой роскошью для большинства жителей нашей деревни. В первую очередь — для нас.

Если я выгодно продам шкуры, то, быть может, и раскошелюсь на что-то вкусненькое. Решив взбодрить этим моих капризных сестер, я обернулась, но не успела даже рта раскрыть, как на нас из-за угла вылетела молодая женщина в белесых одеждах. Просто чудо, что мы с нею не столкнулись в лоб.

— Да воссияет бессмертный свет над вами, сестры мои, — произнесла женщина, преграждая нам путь.

Неста и Элайна сердито цокнули языками. Я чуть не застонала от досады: только этих сладкоголосых не хватало! «Дети благословенных». И принесло же их как раз сегодня, чтобы в базарный день одинаково мешать и злить продавцов и покупателей. Старейшины городишки не жаловали эту публику, пускали на два-три часа, а потом выпроваживали. Само присутствие фанатичных глупцов, которые все еще поклонялись верховным фэйским правителям, настораживало и раздражало людей. Мне стало противно. Когда-то фэйская знать правила и людьми, но богами они не были, да и правление их не отличалось добротой.

Женщина простерла к нам белые, с легким голубоватым оттенком руки — в знак приветствия. На одной руке у нее красовался браслет с колокольчиками из настоящего серебра. Колокольчики тихо позвякивали.

— Найдется ли у вас несколько свободных минут, дабы выслушать слово благословенных?

Приверженка оказалась совсем молодой. Возможно, ровесница Несты.

— Не найдется, — с язвительной ухмылкой ответила ей Неста и локтем пихнула Элайну, чтобы та не разевала рот. — Некогда нам.

Послушница. Так называли тех, кто занимался самым неблагодарным делом — взывал к глухим ушам вроде наших. У нее были блестящие темные волосы, не стянутые лентой. Чистое лицо, сверкающее от усердия, сладкая улыбка. Позади нее толклись еще пять или шесть послушников обоего пола, у всех — длинные волосы. Послушники внимательно оглядывали рынок, ища молодежь вроде нас. Еще одна разновидность хищников, высматривающих добычу.

— Я займу у вас не больше двух минут, — заявила послушница, снова загораживая Несте дорогу.

Это надо было видеть. Неста выпрямилась во весь рост, расправила плечи и смерила послушницу взглядом королевы... правда, без трона.

— Ищи дураков и им втемяшивай ваш фанатичный бред. Нас на свою удочку ты не поймашь.

Послушница сжалась. Ее карие глаза вспыхнули. Я старалась не выказывать своего отвращения. Разумнее всего было бы отговориться спешкой и уйти. Если сильно заденешь «Детей благословенных», потом сам не рад будешь. Весь их пыл и жар изольется на тебя.

Неста подняла руку, отогнула рукав и показала послушнице железный браслет. Такой же был и на руке Элайны — несколько лет назад сестры купили одинаковые украшения. Послушница чуть не вскрикнула, глядя округлившимися глазами.

— Это ты видела? — спросила Неста, надвигаясь на послушницу, та отступила. — Вот какие браслеты нужно вам носить, а не серебряные колокольчики, притягивающие фэйских чудовищ.

— Как ты осмеливаешься щеголять столь неслыханным оскорблением наших бессмертных друзей!..

— Поищите другое место для ваших бредней!

Мимо нас, держась за руки, прошли две пухленькие милостивые крестьянки. Как и мы, они направлялись на рынок. Стоило им увидеть послушников, добродушные лица исказились презрительной гримасой.

— Шлюха-обожательница, вот ты кто! — бросила одна послушнице.

Я целиком согласилась с пышечкой.

Послушники молчали. Подошла еще одна женщина, похоже жительница городишки. Видно, что из состоятельных, — на шее у нее красовалось витое железное ожерелье. При виде послушников женщина сощурилась и оскалила зубы.

— Идиоты! Неужели вы так и не поняли, какие ужасы творили эти чудища сотни лет подряд? Они и сейчас не прочь убить человека забавы ради, если сами сумеют улизнуть. Желаю вам попасть в руки фэйцев. Другой судьбы вы не заслуживаете, глупцы и шлюхи!

Неста кивнула, соглашаясь с женщинами, а те пошли дальше. Настырная же послушница и не думала уходить. Теперь даже Элайна сердито поморщилась.

Но послушница лишь набрала в легкие побольше воздуха. Ее лицо вновь стало безмятежным, и она заговорила:

— Сестры мои! Я не сержусь ни на вас, ни на тех троих. Я сама долго жила в невежестве, пока не услышала слово благословенных. Я выросла в городке, похожем на этот. Жизнь моя была серой и унылой. Но меньше месяца назад подруга моей двоюродной сестры отправилась к границе Притиании, дабы послужить живым приношением. Она не вернулась. Думаете, погибла? Нет. Она живет в полном достатке, поскольку теперь она — невеста знатного фэйца. И вас может ожидать такая же судьба, если не пожалеете нескольких...

— Скорее всего, подружку твоей сестры попросту съели, — возразила Неста. — Потому и не вернулась.

«Или что похуже», — подумалось мне. Никого из людей верховные правители Притиании просто так не допускали в свои земли. К счастью, мне самой не доводилось сталкиваться с этими жестокими существами, лишь отдаленно похожими на нас. Они правили Притианией. Помимо них, там жил еще один народ — фэйри. У тех были чешуйчатые тела, крылья и невероятно длинные тонкие руки, способные утащить человека глубоко под землю. Даже не знаю, какой конец ужаснее: оказаться под землей или попасть к хозяевам Притиании.

Лицо послушницы напряглось.

— Наши милосердные господа даже в мыслях не допускают жестокого обращения с людьми. Притиания — страна мира и изобилия. Если бы они благословили вас своим вниманием, вы были бы рады жить среди них.

Неста выпучила глаза. Элайна беспокойно поглядывала то на нас, то на рынок. Вокруг уже собирались зеваки. Пора заканчивать этот балаган. Одежды послушницы были не белесыми, а бледно-голубыми — чистенькими, как и ее кожа, нигде ни пятнышка.

— Тяжелое сражение ты выбрала, — сказала я ей.

— За достойное дело, — лучезарно улыбнулась послушница.

Я подтолкнула Несту, чтобы шла дальше.

— В нем нет ничего достойного, — бросила я послушнице и двинулась прочь.

Толпа послушников глядела нам в спину, но я не оборачивалась. Убедившись, что здесь их не хотят слушать, «благословенные» отправятся дальше. Главное, не столкнуться с ними снова, когда будем возвращаться.

Мои сестры никак не могли успокоиться. Элайна сердито морщилась. Глаза Несты дико сверкали, а губы вытянулись ниточкой. Неужели у нее хватит ума догнать послушницу и снова сцепиться?

Впрочем, сейчас это не важно.

— Встретимся через час, — объявила я сестрам и скрылась на людной площади, не позволив им увязаться за мной.

Прошло минут десять, и я уже знала, кому предложить шкуры. Во-первых, местному сапожнику с морщинистым лицом. Во-вторых,

остроглазому портному, приехавшему сюда из соседнего города. Они не впервые покупали у меня. Третьей возможной покупательницей была женщина могучего телосложения. Настоящая гора. Она сидела на краю чаши сломанного фонтана, рядом не наблюдалось ни лотка, ни тележки. Зато обилие шрамов и оружия сразу выдавали род ее занятий. Наемница.

Сапожник и портной во все глаза смотрели на меня, что не мешало им изображать безразличие. Так я вам и поверила! Им хотелось поскорее узнать, каким товаром набит сегодня мой заплечный мешок. Прекрасно. Значит, можно поторговаться.

Я подошла к наемнице. Ее густые темные волосы были довольно коротко подстрижены, оканчиваясь где-то на уровне подбородка. Смуглое лицо казалось высеченным из гранита. Увидев меня, наемница прищурила темные глаза. Какой интересный у них цвет! Я приняла их за черные и ошиблась. Глаза этой женщины сотканы из множества оттенков коричневого. Я отодвинула подальше ту часть собственного разума, которая на все смотрела с позиции художника, оценивая цвет, форму и освещенность, и двинулась к наемнице, широко расправив плечи. Кого она видела во мне? Быть может, ту, кому понадобились услуги наемницы? Опасности для нее я не представляла. Далек не каждый мужчина отважился бы задеть особу с такой недюжинной силой и зловеще поблескивающим арсеналом кинжалов и ножей. Я подошла не вплотную, а остановилась на некотором расстоянии.

— Я не беру за свои услуги натурой. Если что нужно, плати звонкой монетой.

Говорила она с акцентом, которого прежде я не слышала.

Несколько местных жителей усиленно делали вид, что не прислушиваются к нашему разговору, особенно после моих ответных слов:

— Тогда тебе вряд ли повезет в здешних краях.

Даже сидя она была на голову выше меня.

— В таком случае что тебе, девчонка, от меня надо?

Ей самой, наверное, от двадцати пяти до тридцати, но я, в своем куцем плаще, отощавшая от постоянного недоедания, казалась наемнице девчонкой.

— Я принесла на продажу пару шкур: оленью и волчью. Может, они тебе понравятся и ты их купишь.

— Шкуры, поди, украли?

— Нет, — возразила я, выдерживая ее взгляд. — Добыла на охоте. Клянусь.

Темные глаза наемницы вновь проехали по мне.

— Как?

Ее «как» прозвучало не столько вопросом, сколько приказом. Возможно, наемнице попадались те, кто не видел в клятвах ничего священного и легко бросался словами. И она наказывала их подобающим образом.

Я во всех подробностях рассказала, каким образом добыла шкуры. Едва я закончила, ее рука потянулась к моему мешку.

— Дай-ка на них взглянуть.

Я достала бережно сложенные шкуры.

— А ты не соврала. Волчище и впрямь был громадным, — пробормотала наемница. — Да и на фэйри не похож.

Чувствовалось, женщина понимала толк в шкурах. Глазами знатока она осмотрела мех, погладила его и потрогала изнанку каждой шкуры. Наконец сказала, что берет обе, и назвала цену.

Я оторопела, но постаралась скрыть удивление. Цена, названная наемницей, в несколько раз превосходила ту, что я рассчитывала получить за шкуры. Я молча смотрела на щедрую покупательницу.

Наемница тоже смотрела, но не на меня. Поверх моей головы.

— Те две девки — твои сестры? Волосы у вас одинаковые. И жрать вам троим постоянно хочется. Плохо у вас с харчами.

Мои сестрицы умирали от желания подслушать наш разговор и пытались сделать это незаметно. У них ничего не получалось.

Последняя фраза наемницы задела мое самолюбие, и я сказала:

— А вот в жалости твоей я не нуждаюсь.

— Само собой, не нуждаешься. Зато мои денежки тебе ой как нужны. А сегодня торговлишка хилая. Сбили ее эти чертовы послушницы с телячьими глазами.

Женщина кивком указала на «Детей благословенных». Те продолжали звенеть серебряными колокольчиками и ловить всякого, кто оказывался у них на пути.

— Ну так как, девка, продашь мне свои шкуры?

— А почему вдруг такая высокая цена? — спросила я, сознавая, насколько глуп и неуместен мой вопрос.

Я думала, наемница ответит что-нибудь вроде: «Хочешь поменьше — давай сбавлю». Но она лишь пожала плечами и слегка улыбнулась:

— Мне когда-то тоже помогли. Нашей семье тогда очень тяжело было. Вот я и решила, что настал мой черед помогать.

Я задумалась над ее словами.

— А знаешь, у меня отец режет по дереву красивые вещицы. Я могу добавить их к шкурам. Так честнее будет.

— Я странствую налегке. Надобности в безделушках у меня нет. А вот твои шкуры, — она снова провела рукой по волчьему меху, — избавили бы меня от необходимости охотиться самой.

Я кивнула, чувствуя, как краснеют мои щеки. Наемница полезла внутрь своего тяжелого мехового плаща и достала увесистый кошелек. Я плохо различаю монеты по звуку, но в этом кошельке хватало серебряных и даже золотых. В наших краях наемники получали щедрую плату.

Наши края были весьма скромных размеров и очень бедными. На содержание постоянной армии, размещенной вдоль Стены, отделявшей нас от Притиании, у властей не хватило бы средств. Простым людям оставалось лишь уповать на силу Соглашения, заключенного пятьсот лет назад. Но отдельные богатые семьи могли себе позволить услуги наемников для защиты своих земель, граничащих с миром бессмертных. По правде говоря, это была лишь видимость защиты, сродни оберегам на порогах хижин. В сознании бедных и богатых давно укоренилась непреложная истина: бороться с фэйри бессмысленно и смертельно опасно. В каком бы сословии ни рождались дети, им с колыбели внушали страх перед фэйри. Об этом повествовали многие сказки. Это подросшие ребяташки слышали, приходя в школу. Фэйцы были еще опаснее, чем фэйри. Фэец мог с расстояния в двести локтей испепелить человека. К счастью, мы с сестрами никогда не видели ни фэйцев, ни фэйри.

И все-таки людям хотелось верить в существование амулетов и заговоров, способных уберечь от внезапной встречи с бессмертными злодеями. Всем этим торговали несколько лотков на рынке, там имелись и амулеты, и дощечки с заговорами. Особенно ценились кусочки железа. Я бы не стала тратить деньги на подобные штучки.

Если они и вправду помогают, то принесут лишь несколько дополнительных минут на подготовку. К чему? К смерти, поскольку от фэйцев не убежишь. Я уже не говорю о попытках сражаться с ними. Однако Неста и Элайна, выходя из дому, всегда надевали железные браслеты. У Икаса вообще была целая железная манжета на запястье, под рукавом рубашки. Как-то он предлагал купить такую же и для меня, но я отказалась. Подарок-то подарком, но я бы постоянно ощущала необходимость отплатить... И потом, эта железная штучка служила бы назойливым напоминанием о наших отношениях, которых как не было, так и нет.

Наемница переложила деньги в мою протянутую ладонь. Я тут же спрятала монеты в карман, который стал тяжелым, словно жернов. Конечно же, глазастые сестрицы заметили, сколько монет отвалила мне наемница, и уже придумывали, как бы уговорить меня поделиться с ними.

Я поблагодарила наемницу, так и не сумев убрать из голоса интонации горечи и сарказма. Сестры стронулись с места. Их тянуло на дармовые деньги, как стервятников — на падаль.

— Хочу дать тебе совет, как охотница охотнице, — сказала наемница, поглаживая волчью шкуру.

Я вопросительно подняла брови.

— Далеко в лес не ходи. Я бы не рискнула сунуться туда, где ты позавчера охотилась. И не из-за громадного волка. Что волк? Зверь, да и только. Я все чаще слышу рассказы про тех тварей. Они проскальзывают через Стену в наш мир.

У меня по спине поползли мурашки.

— Никак собираются напасть на наш край?

Если это правда, я бы не стала дожидаться, пока бессмертные твари хлынут на наши земли из-за невидимой Стены, разделяющей миры. Я бы нашла способ увезти родню подальше на юг, где не так сыро и не так опасно.

В далеком прошлом люди были рабами у фэйских правителей, и рабство длилось не одну тысячу лет. Люди потом и кровью создавали для жестоких хозяев прекрасный, величественный мир, строили красивые храмы для их кровожадных богов. Но однажды терпение людей лопнуло, и они подняли восстание. Мятеж быстро охватил все земли, началась невероятно кровавая и разрушительная война. В